

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

КНИГИ Э.-Э. ШМИТТА

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугай с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Мечь и прощение
Миларепа
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена

Эрик-Эмманюэль
ШМИТТ

ФЕЛИКС
И НЕЗРИМЫЙ
ИСТОЧНИК
и другие истории

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
III73

Éric-Emmanuel Schmitt
FÉLIX ET LA SOURCE INVISIBLE
Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2019
MADAME PYLINSKA ET LE SECRET DE CHOPIN
Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2018
MILAREPA
Copyright © Editions Albin Michel – Paris 1997

Перевод с французского
Ирины Волевич, Галины Соловьевой, Ирины Дмоховской

Оформление обложки *Вадима Пожидаева*

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17154-1

- © И. Я. Волевич, перевод, 2020
- © Г. А. Соловьева, перевод, 2020
- © И. В. Дмоховская, перевод, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

О цикле Незримого

Повести Э.-Э. Шмитта, публикуемые в этой книге, входят в цикл Незримого — серию произведений, сюжетно не связанных друг с другом, но посвященных поискам смысла жизни. В каждом из них герой сталкивается с одним из ключевых моментов существования — смертью, разлукой, болезнью, войной — и обретает в этой ситуации силы идти вперед. Встреча с очередной проблемой — это одновременно встреча с духовностью.

Так, в повести «Миларепа», с которой и начался цикл, рассказывается о тибетском буддизме. В повести «Мсье Ибрагим и цветы Корана» — об исламе, вернее, об одном из его течений — суфизме. В «Оскаре и Розовой Даме» говорится о христианстве, а в «Детях Ноя» — об иудаизме. «Борец сумо, который никак не мог потолстеть» повествует о дзен-буддизме. «Десять детей, которых никогда не было

у госпожи Минг»¹ — это история конфуцианства. «Мадам Пылинска и тайна Шопена» посвящена музыке. И наконец, «Феликс и Незримый источник» знакомит нас с тайнами анимизма.

Эрик-Эмманюэль Шмитт относится с подлинным гуманизмом к духовным исканиям человека, считая их прежде всего сокровищами мудрости и поэзии, помогающими жить.

¹ Эти повести напечатаны в сборнике: *Шмитт Э.Э.* Оскар и Розовая Дама. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018.

**ФЕЛИКС
И НЕЗРИМЫЙ
ИСТОЧНИК**

Тот, кто смотрит зорко,
в конце концов увидит.

Африканская пословица

— Ты не замечаешь, что твоя мать мертва?

И дядя указал на Маму, стоящую у раковины, — высокую, статную, но какую-то землисто-бледную; она только что кончила вытирать посуду, поставив последнюю тарелку на стопку остальных.

— Мертва? — прошептал я.

— Мертва!

Дядя повторил это слово своим замогильным голосом так резко, что оно заполнило всю кухню, тяжело заметалось по ней, словно ворон, слепо натыкаясь на мебель, отражаясь от стен, ударяясь в потолок, и наконец вылетело в окно, чтобы напугать соседей; его хриплый, гнусавый, пронзительный звук рассыпался во дворе осколками эхо.

А здесь, под качавшейся лампочкой, опять воцарилось молчание.

Мрачное дядино карканье ничуть не взволновало Маму — теперь она сосредоточенно пересчитывала блюдца. Я закусил губу при мысли, что ее обуял очередной приступ этой новой мании — счета: в последнее время, стоило Маме заняться инвентаризацией вещей, она могла это делать часами.

— Мертва, мой мальчик, мертва. Твоя мать уже ни на что не реагирует.

— Но она же двигается!

— Тебя сбивает с толку такой пустяк. Но я-то разбираюсь в покойниках, — сколько уж я их навидался у нас!

— Где это — у нас?

— В деревне.

— Ты хочешь сказать — у тебя дома! А для меня и Мамы «у нас» значит «здесь»!

— В этом вашем Дурвиле?

— В нашем Бельвиле! Мы с ней живем в Бельвиле!¹ — выкрикнул я.

Мне было невыносимо слышать, как дядя хает то, что для меня лично составляло предмет гордости, — Париж, этот спрут, чьим щупальцем я себя чувствовал, Париж, столицу Франции, Париж, с его проспектами и окружным шоссе, с его бензиновой вонью и пробками, с его демонстрация-

¹ *Бельвиль* — Двадцатый округ Парижа, на северо-востоке города, населенный преимущественно иммигрантами. Здесь игра слов: фр. Belleville — букв.: Прекрасный город. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

ми, полицейскими и забастовками, с его Елисейским дворцом, школами и лицами, с его автомобилями, которые вечно лаются друг с другом, и собаками, которые ни с кем уже не лаются, с его коварными велосипедами, шикарными улицами и пепельно-серыми крышами, где ютятся голуби, с его блестящими мостовыми, истоптанным асфальтом, шумными магазинами и круглосуточными бакалеями, с пастями его метро и зловонными водостоками, с его серебристо-ртутной дымкой после дождя, с его сумерками, розоватыми от пыли, и оранжевыми мандаринами фонарей, с его праздными гуляками, обжорами, клошарами и пьянчугами. А уж что касается Эйфелевой башни, нашей безмятежной великанши, нашей стальной кровительницы, то любой, кто отнесся бы к ней без должного пиетета, был достоин в моих глазах вечного презрения. Однако дядя лишь пожал плечами и продолжил:

— Твоя мать родилась не здесь, она появилась на свет в буше. О, как мне нравится это выражение — «появиться на свет»! Оно так подходит для Фату — недаром же она выскользнула из чрева своей матери в одно жаркое воскресное утро. Я хорошо помню, как вспотел тогда — хоть выжимай. Ну а ты — ты в котором часу родился?

— В полпервого ночи.

— Вот видишь, так я и думал: ты появился не на свет, ты увидел тьму.

И он почесал подбородок.

— Где же это произошло?

— В больнице.

— В больнице! О господи, в больнице, — как будто твоя мать была при смерти... Как будто беременность — это болезнь... Медсестры и врачи — вот что ты увидел в первый миг, какая жалость! Бедняжка Феликс, я прямо и не знаю, способен ли ты понять, что творится с твоей матерью.

Как я ни крепился, на глазах у меня закипели слезы и я пришел в ярость. Довольно! Пора покончить с этой недостойной слабостью! Быть двенадцатилетним мальчишкой и без того тяжело, не хватало мне еще разнюниться и тем самым усугубить ситуацию, показав себя плаксивым младенцем... Злость помогла мне сдержать слезы и объявить:

— Я обожаю Маму!

Дядя положил руку мне на темя; я испугался, что эта тяжелая длань сплющит мне мозг, но нет: потная ладонь и узловатые суставы вселили в меня странное спокойствие.

— Я в этом уверен, мой мальчик. Но любить не значит понимать. Осознаешь ли ты, что твоя мать просто погибает?

— Конечно осознаю, дядя! Поэтому я и написал тебе, умоляя приехать из Сенегала.

— Прекрасно. Тогда давай поговорим как мужчина с женщиной.

Он уселся на стул верхом, задом наперед, и пристально взглянул на меня.

— Что тебе сказал врач?

— Что у нее депрессия.

Дядюшка Бамба вытаращил глаза и воскликнул:

— Это еще что за штука — депрессия? У нас в Африке о такой и не слыхивали.

— Это болезнь уныния. Доктора называют депрессией такое состояние, когда человек внезапно становится более подавленным, чем прежде, хотя до этого ничего не случилось; он теряет силы, опускает руки, усталость не дает ему жить активно.

— И какое же лечение предлагают врачи?

— Антидепрессанты.

— Это помогает?

— Сам видишь.

И мы взглянули на Маму, которая села на табурет — вернее, упала на него, словно марионетка, брошенная кукловодом: обмякшее тело, поникшие плечи, бессильно свисающие руки, нелепо расставленные ноги, безвольно поникшая голова. Былая энергия уже не соединяла и не поддерживала эти части прежней Мамы.

Дядюшка Бамба продолжал вполголоса:

— Ошибка в диагнозе. Лично я утверждаю, что Мама мертва. Ты живешь с зомби твоей матери...

— Замолчи!

— ...и я тебе сейчас это докажу. Что отличает мертвого человека? Во-первых, он больше ничего не слышит.

Тут дядя грохнул кулаком по столу, но Мама и глазом не моргнула.

— Вот видишь: твоя мать глуха как тетеря.

— А может, у нее проблемы со слухом...

— Во-вторых, мертвец больше ничего не видит, даже с открытыми глазами. И в-третьих, у него пустой взгляд.

Тут я поневоле согласился: глаза Мама, остекленевшие, как у рыбы на прилавке, ровно ничего не выражали — ни дать ни взять макрель в лотке со льдом.

— В-четвертых, кожа мертвецов меняет цвет.

И дядя ткнул пальцем в свою младшую сестру, указывая на ее лицо цвета потухшего очага — пепельно-сероватое, нет, даже зеленоватое, — и это у Мама, с ее прежде лоснящейся шоколадной кожей! Дядя скорбно вздохнул:

— В-пятых, мертвец не обращает никакого внимания на окружающих. Самые страшные эгоисты — это мертвецы, их уже ничто не волнует. Вот признайся: твоя мать заботится о тебе?

Побледнев, я выпалил:

— Ну... она готовит еду, убирает квартиру...

— Чисто автоматически, по привычке, как курица с отрубленной головой бегаёт по двору.

Я понурился, — дядины аргументы меня убедили.

А он продолжал их перечислять, загибая большой палец уже на левой руке:

— В-шестых, мертвецы не разговаривают. Вот ты когда в последний раз беседовал с матерью?

И снова у меня из глаз покатались слезы. При виде моего отчаяния дядя, еще не исчерпавший список своих доводов, не стал продолжать. Он похлопал меня по колену и заключил:

— Вот видишь, Феликс: твоя мать выглядит живой, но на самом деле она мертва.

Тут я уже разрыдался вовсю, дав волю слезам. Прощай, честь семьи! Что ж, тем хуже...

Смириться было трудно, но при этом и утешительно: наконец кто-то разделял горе, мучившее меня уже несколько месяцев; наконец кто-то принял во мне участие и я больше не буду терзаться страхами в одиночестве! Если Мамин брат и прибегал к таким беспощадным словам, то, сказанные вслух, они все-таки пугали меня куда меньше, чем угнездившиеся в моих мыслях. Да, дядя был прав: я потерял Маму, она меня покинула, я жил с незнакомой женщиной. А куда же делась та, что бросила меня? Как мне ее не хватало... Да и живет ли она еще хоть где-нибудь? Между двумя всхлипами я пробормотал:

- А ее... можно вылечить?
- Лечат живых, а не мертвых.
- И как же...
- Что «как же»?

- Как тогда быть?
- Гм...
- Никак?
- Ее нужно воскресить!

И дядя поднялся со стула — высокий, стройный, осанистый, с кожей цвета смолы и гривой цвета сажи. Гибко потянувшись, он подошел к окну, выплюнул наружу табачную жвачку, которую мусолил во рту с самого десерта (ой, хоть бы консержка в эту минуту не мыла во дворе мусорные баки!), и, потирая затылок, втянул ноздрями ночной воздух. Я вспомнил Мамины рассказы о том, что в ее родной деревне этого высокого жилистого силача почитали как отважного воина, бесстрашного и неукротимого защитника слабых в разгар кровавых междоусобиц. Он внушал доверие! Главное, не обращать внимания на его нынешний облик, на повадки гуляки-африканца и любовь к броским нарядам. Вот и сегодня вечером он щеголял в ярко-красных остроносых туфлях из крокодиловой кожи и костюме-тройке канареечного цвета.

Постояв у окна, дядя обернулся ко мне с самым безмятежным видом:

- Ты знаешь кого-нибудь, кто умеет воскресать мертвых?
- Нет.
- О'кей, — флегматично откликнулся он, — тогда я сам поищу. Где ты держишь справочник?

— Справо... чего?

— Справочник. Это такая толстая книга с номерами телефонов. Желтая, в которой все люди разделены по профессиям.

— Но... но... такой давно уже нет!

— Ах вот как?

— Теперь все пользуются интернетом.

— О'кей, нет проблем, ну-ка, давай сюда свой компьютер.

Дядина беспечность вывела меня из себя, и я заорал:

— Черт подери, что ты собираешься в нем искать?! Воскресителя мертвых?

В ответ он лишь улыбнулся.

За все двенадцать лет, что я знал Маму, в ее характере никогда не проявлялось той черной меланхолии, которая сейчас подавляла все ее чувства. Жизнерадостная, энергичная, любознательная, бодрая, экспансивная, она щебетала своим певучим, звонким и сочным голосом с мягким африканским акцентом, чему-то дивилась, чем-то возмущалась, интересовалась всем на свете и чуть ли не над всем смеялась; она осыпала меня поцелуями — с раннего утра, когда будила, растирая мне спину, и до вечера, когда со вкусом посвящала меня в события прошедшего дня, ибо, по ее словам, «истории нужно всегда рассказывать

с пылу с жару, пока они не остыли». Мама держала кафе в Бельвиле, на улице Рампонно — это было узкое помещение со стенами шафранового цвета, где собирались окрестные жители. Она очень хитро выбрала название для своего заведения — «На работе»: таким образом, когда кто-нибудь из завсегдатаев, облокотившись на барную стойку, беседовал по телефону с супругой, мужем, сотрудником или шефом, то на вопрос, где он в данный момент находится, мог вполне правдиво ответить: «На работе!»

«Вот почему они хранят верность моему кафе. Никто не смеет их обругать или срочно вызвать куда-то, ведь они „На работе“!» — говаривала Мама. Она здорово разбиралась во всех вещах, животных и людях, благодаря чему удачно обходила ловушки существования. Едва открыв свое кафе, она сорвала с двери туалета табличку «WC» и повесила новую — «Спокойное уединение». Рыжий пушистый кот, принадлежавший соседу-бакалейщику, полеживал возле кассы и развлекал клиентов, чихая по четыре раза в минуту. Мама так и прозвала его — Апчхи, и эту кличку тут же подхватили посетители, все до одного. Отныне они так и звали его, умирая со смеху, вместо того чтобы раздражаться, как прежде, и радуясь тому, что Апчхи чихает согласно своему имени и званию.

Но на этом Мама не остановилась: она спасла парочку лесбиянок с улицы Биссон — двух крепких, мрачных тридцатилетних баб, чей бесстыдный союз вызывал угрожающие комментарии суровых блюстителей нравственности, которых было немало даже в нашем квартале. Не спрашивая согласия этой парочки, Мама окрестила их Белот и Ребелот¹, каковое прозвище быстро распространилось среди местного населения, вызывая улыбки тех, кто сталкивался с обеими женщинами, — улыбки, которыми они сами в конце концов стали отвечать окружающим. Белот и Ребелот — кто бы теперь мог представить себе улицу Рампонно без этих двоих?! Не покажись они на глаза, мы все побежали бы в мэрию — заявить об их исчезновении. Вот таким простым способом — придумав эти имена, — Мама узаконила и даже сделала вполне симпатичной их связь. Она, словно добрая фея, украшала нашу жизнь. Ее дар придумывать нужные слова спас от одиночества постоянную посетительницу нашего заведения — хрупкую мадемуазель Гран, очаровательную азиатку с красновато-коричневыми глазами, слишком робкую, чтобы завязать с кем-нибудь знакомство; она ежедневно приходила в кафе и сидела, смакуя sake в крошечном, с наперсток,

¹ *Белот* — карточная игра. *Ребелот* (фр. *rebelote*) — 1) ход королем после хода дамой той же масти при игре в белот; 2) то же самое (разг.).

стаканчике. В одну из суббот, когда мадемуазель Тран проскользнула в кафе вместе с только что купленным резвым щенком пуделя, Мама посоветовала ей назвать его Месье.

— Месье?

— Месье! Послушай моего совета.

Мадемуазель Тран послушала, хотя ничего не поняла, и с тех пор у нее отбоя не стало от мужчин. На улицах, где она прогуливала своего песика без поводка, она подзывала его пронзительным криком: «Месье! Месье!» И вот результат: все местные самцы, думая, что эта соблазнительная девушка зовет их, мгновенно кидались к ней, а обнаружив свою ошибку, прыскали со смеху, краснели, гладили пуделька, за невозможностью погладить саму мадемуазель Тран, и заводили с ней разговор. Отныне у нее образовался немалый круг поклонников, из которых ей, конечно, предстояло выбрать себе мужа.

— Но главный мой шедевр — это, конечно, ты, милый Феликс! — утверждала Мама.

Она назвала меня Феликсом в полной уверенности, что это имя (по-латыни «felix» означает «счастливый») подарит мне волшебную судьбу. И она, конечно, оказалась права... Мы с ней были счастливы в нашей квартирке-мансарде, на седьмом этаже того самого дома, где находилось кафе.

Мама воспитывала меня одна, поскольку родила от Святого Духа. И тот факт, что я родился

от Святого Духа, меня вполне устраивал. Между ней и мною любой отец был бы лишним. Иногда она проводила пару-тройку часов с каким-нибудь кавалером, но не дома, а на стороне, не навязывая мне общество каких-то там мужчин. Сколько я себя помню, мне всегда было совершенно ясно, что в ее глазах я с самого младенчества олицетворял собой все, что ей было нужно, — безграничную любовь, не сравнимую ни с чьей другой. В Бельвиле знали, что она родила меня от Святого Духа: она весело рассказывала это всем подряд — соседям, клиентам, моим учительницам, родителям моих школьных товарищей. Преодолев первое изумление, ее слушатели начинали завидовать такому происхождению; иногда некоторые даже величали меня, шутки ради, Иисусом, против чего я не спорил, хорошо зная правила игры, ибо считал вполне нормальным, в таком исключительном случае, упоминание о редких прецедентах.

К тому же тот факт, что Мама родила меня от Святого Духа, не вызывал сомнений еще и потому, что этому имелось официальное подтверждение: Святой Дух признал меня своим сыном, расписавшись в моем свидетельстве о рождении. Да-да, именно так! Для этого он сообразовал явиться собственной персоной в нашу мэрию. Правда, с тех пор его больше никто не видел.

Тринадцать лет назад Фелисьен Сент-Эспри¹, мой родитель, антилец, капитан торговой шхуны, провел в Париже недельку, за которую успел наградить мной Маму; затем, девять месяцев спустя, появился снова, чтобы официально признать меня своим сыном. После чего Мама скрыла от него наш новый адрес. «Баста! Производитель нам больше не нужен. Не хватало еще привязаться к нему...» — заявила она. С тех пор она смотрела на мужчин, как футбольный тренер на своих игроков, отбирая их по способностям к требуемой задаче. Что не мешало ей, даже в этих узких рамках, проявлять подлинный энтузиазм.

«Красивей, чем Сент-Эспри, я никогда никого не встречала! — нередко восклицала моя мать. — Вот уж кто был хорош так хорош, со всех сторон! Впрочем, ты в этом скоро убедишься — когда вырастешь и станешь таким же красавчиком, как он».

Но мне вовсе и не требовалось присутствие моего родителя: во-первых, когда-нибудь, став взрослым, я смогу любоваться собой в зеркале, а главное, Мама была для меня всем — и Северным полюсом, и Южным, и экватором, и тропиками... Семья? Не проходило дня, чтобы Мамины клиенты не заявили в наше кафе к моему возвращению из школы, встречая меня кто как бабушка, кто как брат, кто как тетка; они болтали

¹ *Сент-Эспри* (фр. Saint-Esprit) — Святой Дух.

со мной, одни мимоходом, другие долго, расспрашивали о здоровье, о школьных успехах. Благодаря Маминой профессии у меня была большая семья.

И первое место среди этих завсегдаев занимала мадам Симона. Описать мадам Симону трудно: она выглядела *потрепанной*. Ее кожа — прозрачная, дряблая, выцветшая, была изборождена морщинами, зубы и белки глаз с годами пожелтели. Сколько лет ей было? «Да не так уж и много», — неизменно отвечала Мама тем, кто ее расспрашивал. Но, увы, мадам Симону старела самая беспощадная из противниц — тучность: ожиревшая плоть пригибала к земле ее и без того согбенную фигуру, расплющивала волосы, утяжеляла веки, оттягивала вниз дрожащие, дряблые щеки и уголки рта. И, кроме того, она казалась старухой из-за своих забот, а уж забот на нее свалилось — больше некуда.

Нужно сказать, что мадам Симона была шлюхой и мужчиной. Вернее, если уж излагать все по порядку, — в первую очередь мужчиной, а потом уже шлюхой. Сейчас объясню. В детстве мадам Симону звали Жюлем. Этот Жюль считал себя жертвой непоправимой ошибки природы: он родился мальчиком и тело у него было как у мальчика, но при этом в душе считал себя девочкой. Однако, вопреки его вкусам и чисто женским

повадкам, Жюля вынудили вести себя по-мужски: запретили носить юбки, отрезали волосы, которые он хотел заплетать в косы, заставили говорить низким мужским голосом, а от первого лица прошедшего времени — в мужском роде; затем, поскольку он всему этому сопротивлялся, стали наказывать, осмеивать и оскорблять, короче, бороться с его врожденными качествами.

И хотя Жюль в душе продолжал считать себя девочкой, эта война не прекращалась. Лишь его тетка Симона, крайне эксцентричная особа, презираемая остальной родней, как раз и поощряла все его выверты, когда он гостил у нее. После двадцати лет борьбы с родителями, братьями, сестрами, товарищами, соседями и преподавателями Жюль покинул родной город Люсон. Оказавшись в Париже, он переименовал себя в Симону, нарядился, причесался и накрутил так, как давно мечтал, и больше никогда не виделся с людьми из своего прошлого.

Можно было бы радоваться тому, что на этом благополучном повороте неприятности и закончились. Увы, подлинная трагедия была впереди.

...Мадам Симона приняла облик женщины, но от этого отнюдь не стала красивее. И в мужском, и в женском варианте она как была, так и осталась уродиной. Ее лицо с топорными чертами портила вдобавок асимметрия, редкие волосенки уныло свисали с макушки, зато на щеках

Содержание

О цикле Незримого	5
Феликс и Незримый источник <i>Перевод Ирины Волевич</i>	7
Мадам Пьлинска и тайна Шопена <i>Перевод Галины Соловьевой</i>	177
Миларепа <i>Перевод Ирины Дмоховской</i>	261
Что нам приносит буддизм... <i>Интервью Бруно Мецгера с Эриком-Эмманюэлем Шмиттом</i> <i>Перевод Ирины Дмоховской</i>	301

Шмитт Э.-Э.

- Ш73** «Феликс и Незримый источник» и другие истории : повести / Эрик-Эмманюэль Шмитт ; пер. с фр. И. Волевич, Г. Соловьевой, И. Дмоховской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 320 с.
ISBN 978-5-389-17154-1

Впервые на русском три повести Э.-Э. Шмитта из знаменитого цикла Незримого, посвященного мировым религиям. Эти тексты продолжают линию таких произведений, как «Оскар и Розовая Дама» и «Мсье Ибрагим и цветы Корана». «Феликс и Незримый источник» раскрывает тайны анимизма, силу верований и удивительно поэтических обрядов Африки, а «Мадам Пылинска и тайна Шопена» дает ключ к пониманию великой силы музыки — универсального языка души. В повести «Миларепа» рассказывается о знаменитом тибетском отшельнике XI века.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

Эрик-Эмманюэль Шмитт
*Феликс и Незримый источник
и другие истории*

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать 25.02.2020. Формат 70×100¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9. Тираж 5000 экз.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-LEV-25654-01-R